

с успехом мог бы служить другому монарху. Про него говорили, что он де «Иезуит-калоша»,* потому что, принадлежа к ордену Иезуитов, не носил их одежды и не жил вместе с ними. И все же именно он прогнал отца Сирмона, но только для того, чтобы заменить его другим, который был большим иезуитом, чем он, если так можно выразиться; ибо отец Сирмон слишком откровенен и пишет только небольшие книжечки, а иезуиты хотят, чтобы сочинялись толстые тома. Наш де Нуайе, веря в привязанность Короля, оказался в трудном положении, ибо кардинал Мазарини и Шавиньи не давали покоя тем, кто становился приближенным Короля; и хотя де Нуайе находился постоянно при Короле в Сен-Жермене, а Мазарини и Шавиньи — почти все время в Париже, все-таки они его выжили. Вскоре он умер в собственном доме, в Дангю, недалеко от Понтуаза. К нему уже давно подбирались, так же как и к покойному Кардиналу.

Вскоре умер и Король. Он всегда боялся дьявола, ибо не любил бога, но пуще страшился ада. Лет двадцать тому назад ему было видение, заставившее его отдать королевство под защиту Пресвятой Девы, и в Распоряжении, которое было составлено по этому поводу, значилось: «Дабы все наши добрые подданные попали в рай, ибо такова наша воля». Так заканчивался сей прекрасный манускрипт. Заболев предсмертным недугом, Король стал необычайно суверенным. Однажды, когда ему рассказывали о каком-то блаженном, якобы обладавшем особым даром отыскивать места погребения святых, который, проходя где-либо, говорил: «Ройте здесь, тут погребен святой», — причем ни разу не ошибся, Ножан сказал: ** «Будь у меня такой блаженный, я бы отвез его к себе в Бургундию, он нашел бы мне уйму грюфелей». Король разгневался и крикнул: «Прочь отсюда, негодяй!». Людовик XIII умер, сохраняя стойкость духа, и как-то, глядя на колокольню Сен-Дени,¹⁹ которая видна из нового Сен-Жерменского замка, где он лежал, промолвил: «Вот, где я скоро буду». Принцу Конде он сказал: «Кузен, я видел во сне, будто мой кузен, ваш сын, дрался с врагами и одолел их». Он говорил о битве при Рокруа.²⁰ Король послал за членами Судейской палаты, дабы взять с них обещание в том, что они будут соблюдать составленное им Распоряжение: оно было написано по образцу распоряжения кардинала де Ришелье, он лишь немного в нем изменил. Согласно этому Распоряжению, при Королеве учреждался непрременный Совет, где она, как и все, имела только один голос. Король сказал Советникам, что, ежели они сделают его вдову регентшей, как ныне покойную Королеву-мать, она им испортит все. Королева бросилась ему в ноги; он велел ей тотчас подняться: он хорошо знал ее и презирал.

* «Калошами» прозвали фрейлины Королевы, не живущих во Дворце, потому что они оставляют свои калоши у входных дверей.

** «В своей скверной путевской манере», как написано в «Дневнике» Кардинала.